

В.В.Шадурский

ОПЫТ В.В.МУСАТОВА В ПОНИМАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: СЛУЧАЙ СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО

Сообщается о том, что мнение В.В.Мусатова в отношении литературы русского зарубежья лучше помогает понять некоторые судьбы эмигрантов. В частности, осознание сути процессов, протекавших в России в 1920—1930-е годы, дает возможность разъяснить, почему СССР был притягателен для Д.П.Святополк-Мирского, но возвращение литератора на родину могло привести только к фатальному исходу.

Ключевые слова: Святополк-Мирский, Мусатов, литература русского зарубежья

Известно, что В.В.Мусатов не занимался изучением литературы русского зарубежья настолько, чтобы писать монографии и статьи по этой тематике. Но философов, литературных критиков, поэтов, оказавшихся в эмиграции, он знал достаточно хорошо и мог высказывать аргументированное мнение как по общим темам, так и по персоналиям.

Меня, некогда аспиранта, готовившего диссертацию по творчеству В.В.Набокова, Владимир Васильевич пригласил работать на кафедру русской литературы и журналистики. Несмотря на то, что исследовательские интересы молодого набоковеда были далеки от спектра проблем, изучаемых коллегами, попыток отговорить меня от избранного направления не возникало. Более того, в библиотеке кафедры появлялись книги, словно предназначенные для изучения трех волн русской эмиграции: антологии, справочники, эмигрантские журналы, монографии по русскому зарубежью. И все же слова Владимира Васильевича, высказанные однажды в частной беседе, очень сильно запечатлелись в моей памяти: «Молодому исследователю нужна школа, изучение большого писателя. В Вашем случае — Владимир Набоков, и это хорошо. Но литература зарубежья лишена “почвы”, не сможет воссоединиться с литературой России и потому всегда будет чужой русскому читателю». Сейчас это кажется очевидным, но двадцать лет назад юному увлеченному набоковеду с этим было трудно согласиться: из всей фразы тогда принималось лишь уважительное отношение к объекту изучения.

Когда вышла из печати «История русской литературы первой половины XX века (советский период)» — по сути обобщение разных позиций и выражение В.В.Мусатовым собственной точки зрения, я опять-таки не придал значения некоторым начальным словам монографии, еще меньше внимания уделил словам заключительным. Казалось, вся соль книги — в тех главах, где речь о Мандельштаме, Пастернаке, Ахматовой, Булгакове. Только по прошествии многих лет я стал внимательнее относиться к деталям и «мелочам» этой монографии. В первой части, где дается обзор литературно-общественной ситуации 1917—1921 годов, слов об Исходе из России, о литературе зарубежья, конечно, нет. Но есть важные слова о неприятии И.А.Буниним большевиков и о писателях, которые не согласились эмигрировать. В.В.Мусатов, размышляя о новой и «старой» культуре, отмечал то, что станет водоразделом между литературой, выбравшей ценности личности, и литературой, личность отвергнувшей: «<...> вместе с революцией в русскую литературу пришло ощущение “конца личности”. Родилось убеждение, что творцом и субъектом культурного творчества отныне выступит масса, но не личность» [1, с. 9]. Вместе с тем его мнение не предполагало выбора какой-то «хорошей» дореволюционной литературой и «плохой», возникшей после прихода к власти большевиков. Была аргументированная констатация сущностных процессов: «концепция нового человека и нового искусства схватывала <...> черту эпохи — рождение нового читателя, установление новой связи художника и публики» [1, с. 9].

Литература развивалась вместе с видоизменявшимся обществом. В.В.Мусатов вспоминает слова А.А.Блока о том, что европейская культура выродилась в цивилизацию, исчерпала себя, что на смену ей придут варвары, а энергия их массы — это «источник нового цикла культурного развития» [1, с. 11]. В тоже время он актуализирует высказывания И.А.Бунина, полагавшего, что русское дворянство играло цивилизаторскую роль, а «революция высвободила антикультурные, разрушительные силы» [1, с. 11], массу, толпу с инстинктом разрушения, и потому интеллигенция виновна в недооценке опасности, виновна в революции и ее последствиях.

Тем более оказалось для меня удивительной судьба русского литератора, который вынужден был эмигрировать, но не смог жить без своей страны, без своего народа, вернулся, но погиб.

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский мне стал известен благодаря предложению Владимира Васильевича прочесть монографию «История русской литературы с древнейших времен по 1925 г.» (пер. с англ. Р.Зерновой. Лондон, 1992). Литература эмиграции стремительно возвращалась, словно спешила к своему читателю. Тогда уже всего-то нужно было прийти в квартиру к Владимиру Васильевичу и Ольге Сергеевне, чтобы получить эту книгу в долгосрочное пользование. Чтение этого учебника, написанного Святополк-Мирским для английских студентов, захватило меня. Но еще больше поразили открывшиеся обстоятельства эмиграции и последующего возвращения князя Святополк-Мирского.

Среди особых «меток» в жизни Дмитрия Петровича было то, что он учился в одних учебных заведениях вместе В.М.Жирмунским, А.М.Сухотиным, Л.В.Пумпянским, посещал Пушкинский семинарий профессора С.А.Венгерова, увлекался поэзией, овладел английским и французским языками настолько совершенно, что переводил Кита и Верлена, а еще знал китайский и японский. Его отец был министром внутренних дел России в годы страшных испытаний (1904—1905). А еще Святополк-Мирский перед службой в армии отметился выпуском сборника стихов, а затем продолжил литературную деятельность в стане акмеистов. Он участник Первой мировой войны, Гражданской войны, некоторое время был начштаба Добровольческой армии. В эмиграции с 1920 года — Польша, Греция, Великобритания. В Лондонегодились связи, эрудиция, литературный талант и знание языков — стал преподавателем университета, литературным критиком. Но почти сразу у Мирского возникло движение обратно, на Восток. Так, в 1920-е годы он становится участником Евразийского движения, сближающего эмиграцию с СССР, а также редактором журнала «Версты», заявившем о своих марксистских убеждениях. В это время Мирский создает несколько книг о русской литературе, истории и даже монографию о В.И.Ленине. Правда, самая известная его книга была написана на английском языке и по сути оказалась не прочитана литературной эмиграцией, но суждения о древнерусской, русской классической литературе и литературе современной были настолько оригинальными, что проникали через отзывы читающих по-английски эмигрантов, весьма удивляя консервативное старшее поколение эмиграции. Как апогей — в 1931 году Святополк-Мирский вступает в ряды коммунистов Великобритании. Его поведение, «самого известного человека русской литературной эмиграции в западном литературном мире» [2, с. 11], возмущало не только представителей аристократических кругов, но и демократическую часть эмиграции.

В его журналистской практике, в литературной деятельности мы обнаруживаем те знаки, которые свидетельствуют о независимой, неординарной позиции. Так, работая в начале 1920-х годов над вышеупомянутым учебником для британских студентов, Мирский проделал огромный труд, выступив первопроходцем в изложении истории русской литературы на английском языке, но о литературе русской эмиграции в этом грандиозном томе написал лишь маленькую главку, тогда как даже о литературе, созданной на территории СССР, он успел написать несколько внушительных разделов: «<...> я пишу себя мыслью, что дал, насколько возможно на сегодняшний день, полный обзор послереволюционной литературы» [3, с. 457].

Во многих своих статьях и рецензиях Мирский соотносит наблюдаемое в содержании и форме произведений эмигрантов с традициями русской литературной классики. Так, в «Современных записках» «<...> эсерам пришлось играть роль культурных консерваторов <...> Они — консерваторы неосуществленных идеалов <...>, консерваторы революционного порыва, вдруг застывшего движения <...> Они — Зенонова стрела, недвижимая в полете» [4, с. 141].

Казалось бы, лучший журнал русского зарубежья трудно критиковать, нужно иметь большую смелость и квалификацию, чтобы выступать экспертом по такой части: «В литературе позиция «Современных записок» — чистая, почти беспримесная установка на прошлое. <...> Литературно «Современные записки» — инерция предреволюционной России. <...> Как добрые консерваторы, они сохранили и передают потомству все то, чего писатели не успели написать до революции» [4, с. 141]. Но поводов у Мирского находится достаточно. В упрек ставится чрезмерная самостоятельность и самолюбование издания: «Литературное ядро «Современных записок» разнообразно и объединено признаком скорее отрицательным: ненавистью, более или менее брезгливой, ко всему новому. Различны же они во всем: от ясного и ровного, хотя и неяркого, дневного света Алданова до истерического хаоса Мережковского; от изощреннейшей культуры Зинаиды Гиппиус до принципиальной (и природной) уездности Бунина <...>» [4, с. 142]. Он отмечает, что «Современные записки» игнорируют всю современную культуру Запада. Важно обратить внимание на смелость его суждений и проявленное желание эмигранта обрести связь с родиной: ««Воля России»», конечно, самый живой из эмигрантских журналов <...>. Главное его отличие от «правого» собрата — интерес к мировой жизни; <...> большая чуткость ко всему, что делается в России; и предоставление слова инакомыслящим <...>, что делает «Волю России» самым свободным журналом эмиграции» [4, с. 144]. В критическом отделе — большое и не всегда предубежденное внимание к «советской литературе». Вместе с тем от Мирского достается и «самому живому журналу эмиграции»: «Воля России» «менее литературна, чем «Современные записки», и литературного «ядра» у ней нет. <...> Нет той «среды», того воздуха, определенного литературного направления. Зато, и оттого, Ремизов и Марина Цветаева тут не кажутся такими случайными, как там» [4, с. 144]. По мнению Мирского, «Воля России» «больше, чем все двадцать шесть книг «Современных записок»» доказывает, «что «отыскался след Тарасов» и что Россия жива не только в границах русского мира, но и в царстве Духа, превыше всех границ» [4, с. 144].

Спустя три года в рецензии на главный журнал зарубежья он с иронией и сожалением заметит: «Культуру» эмиграции будут впоследствии судить по «Современным запискам». <...> В почтенной белой обложке «Современных записок» дореволюционная культура чувствует себя как дома и может тешить себя иллюзией, что ничего не произошло и что никакой советской культуры нет» [5, с. 214]. Мнение Мирского находит все новые и новые аргументы для того, чтобы показать, как литература русского зарубежья, ограничившись пределами авторитетного «толстого» журнала, замкнулась в своей автономности и оторвалась не только от реалии России, но и русского зарубежного читателя. Более того, нападкам Мирского подвергаются особые нюансы содержания литературы зарубежья, которые самими эмигрантами воспринимаются как достоинства: «В статье Федотова так же, как и в других его писаниях, постоянно возвращается мотив

восхищения всяким “аристократизмом”. Мотив этот все более и более утверждается как один из основных у эмигрантской интеллигенции. Он господствует в двух “гвоздях” беллетристического отдела настоящей книжки — очередном отрывке из романа Алданова “Ключ” и начале романа Георгия Иванова “Третий Рим”» [5, с. 215]. Мирский характеризует этот знак как черту деградации, а мотив восхищения «аристократизмом» относит к свойствам посредственности, эмигрантским шаблонам, когда настоящие традиции русской классики XIX века «травестирировались» в «культурность»: «Снобизм Алданова утонченней и принимает форму тонкой иронии в отношении к недостаточно аристократическим салонам еврейских адвокатов <...>. Действия обоих (романов Алданова и Иванова. — В. Ш.) происходят в Петрограде в зиму 1916—1917 года; в обоих роль играет немецкий шпионаж; оба подражают манере «Войны и мира»; в обоих щедрой рукой рассыпаны имена дорогих парикмахеров, портных и кондитеров дореволюционного Петрограда. Оба вполне «культурны» и читаются без труда» [5, с. 215]. Такая повторяемость в романах авторов, претендующих на первый ряд литературы зарубежья, сродни клише массовой литературе, и, конечно, такие приметы стиля не делают ей имени. Более того, для Мирского и литература зарубежья, и внутренний мир писателей эмиграции оказываются неинтересными и бесплодными.

По мнению Святополк-Мирского, связь с культурой дореволюционной России поверхностна и не имеет цены для будущего. Так, в статье «Проза поэтов» он отметил этот экстенсивный характер литературы зарубежья: «Уже несколько лет, как наметилась основная линия послереволюционной русской литературы. Это литература общественная, гражданская, чуждая формальных усложнений, восходящая в своей традиции к классическому периоду русского реализма <...>» [6, с. 216]. «Поэтическое поколение 1910-х годов (к которому относится Мандельштам, Пастернак, Тихонов, Вагинов. — В.Ш.) — самое замечательное в истории русской поэзии после пушкинского — далеко еще не сказало своего последнего слова <...>» [6, с. 216].

В другой обобщающей статье он напишет о совсем малом воздействии революции 1917 года на русскую литературу: «Помещики уже давно перестали существовать в культурном отношении, и их культурное бесплодие (приблизительно со времени обращения Толстого) находилось в удивительном согласии с безнадежно устаревшим характером царистского государственного устройства» [7, с. 236]. С точки зрения Мирского, декадентская, буржуазная культура «была обречена на недолговечность...» [7, с. 236]. Используя классовый принцип, он объясняет причину того, что литература масс после 1917 года оказалась «некультурной»: «<...> Хотя класс промышленных рабочих с 1896 г. быстро превращался в решающий политический фактор и в 1917 году стал правящим классом, его энергия была столь полно сконцентрирована на непосредственной классовой борьбе, что ничего не осталось на «культурную» работу <...>» [7, с. 236]. Об ожидаемом господстве в литературе 1917 года класса непролетарских рабочих он скажет совершенно категорично: «Мы должны разграничивать два весьма отличающихся поколения: старшее, родившееся около 1870 г. и культурно все еще близкое поколению Чернышевского и Добролюбова» [7, с. 237], представителем которого он называет Максима Горького, «и молодое, в конце 1880-х и в 1890-е, которое не имеет непосредственных связей с литературой XIX в. и находится под сильным <...> отрицательным влиянием символистов» [7, с. 237]. Называя достижениями молодого поколения поэзию футуристов и критику формалистов, он не ожидает нового всплеска культуры «серебряного» века: «Пока еще невозможно увидеть результат нового литературного периода в правильной перспективе. Но ясно, что причины, мешавшие рабочему классу создавать свою собственную эстетическую культуру во время господства буржуазной литературы, все еще действуют <...>. Мы не должны ожидать удивительного расцвета «эстетических ценностей». Новая литература будет гораздо больше деятельностью практической и намного теснее связана с ежедневной работой строителей нового общества, чем какая-либо литература в истории» [7, с. 238].

Очевидно, что критические статьи и публицистические суждения Мирского — а приведенные здесь — лишь капля в море, показывают, как стремительно в эстетическом и мировоззренческом плане он не столько отодвигался на периферию жизни эмиграции, сколько агрессивно изобличал эмиграцию, обрубая с ней все связи. Известно, что Мирский пытался вернуться на родину, подключая возможности Максима Горького, свой выбор он аргументировал красиво, но очень романтично; так, в письме Горькому, написанному в конце 1930 года, обнаруживаются такие слова: «<...> Меня двигает не советский патриотизм, а ненависть к буржуазии международной и вера в социальную революцию всеобщую <...> я совсем не хочу быть советским обывателем, а хочу быть работником ленинизма. Коммунизм мне дороже СССР» [2, с. 19].

Судьба неумолимо требовала от Мирского возвращения на родину, в 1932 году он совершает переезд в СССР, в 1933 выходит очередная его книга «Интеллигентсия», а 1934 году он вступает в члены Союза советских писателей. Но век князя в условиях СССР быстро заканчивается: в 1937 он арестован, приговорён по «подозрению в шпионаже» к 8 годам; в лагере близ Магадана в 1939 году его настигает смерть.

В книге В.В.Мусатова я смог вычитать то, что долгие годы не было таким пронзительным предметом моего размышления. В 1930-е годы существовали как формулы чудесного спасения, так и формулы гибели литераторов. В таком контексте острее понимается смысл притяжения писателя к родине, понимаются причины обреченности возвращающегося Мирского.

Мусатовым была определена эта формула выживания крупнейших российских писателей: «Государственный инстинкт и этические принципы <...> вступали друг с другом в острейшее противоречие. Оставаясь в лагере духовной оппозиции, они не позволяли себе политической оппозиционности, и это было отнюдь не сервизмом, а трезвым пониманием положения, в котором оказалась страна»; писателям многое

прошлось за их недостаточную степень советской зрелости, но прошлось некоторым, у кого была «твердо проявленная независимость “инженера человеческих душ”» [1, с. 297]. И пусть в Советской России на долю художника выпала «тяжелейшая задача сохранения творческой свободы, без которой немислима никакая духовная деятельность» [1, с. 296] и пусть среди писателей первой величины таких «сохранивших свободу» было немного — в таких сложных условиях действительно смогли выжить лишь гении, но гении выживали.

Мы несколько не согласны с мнением А.Бирюкова, полагавшего, что «истоки постигшей Мирского трагедии следует искать в его эмигрантском прошлом, в его беспокойной общественной деятельности, которая даже в видимой ее части далеко не полностью описана историками» [8, с. 5]. Нам видится эта ситуация в другом контексте, понимаемым по-мусатовски. Мирский тоже имел государственный инстинкт, жил по этическим принципам, не был духовным или политическим оппозиционером, но не имел трезвого понимания положения, в котором оказался сам и в котором пребывала страна. При своей «коммунистичности», он был всего лишь литературным критиком, а не гениальным писателем, и не поверил, что его желание работать в СССР сможет быть перевешено связями в английской среде, белоэмигрантским прошлым и княжеским происхождением, что с большой долей вероятности и до возвращения на родину на исторических весах ему был вынесен приговор: «британский шпион».

Говоря литературоведчески, из возможных научных парадигм исследования литературы Мирский выбрал социологическую, оставив в стороне поэтику, герменевтику и феноменологию. Но эта парадигма погубила его жизнь. Эстетическое и этическое притяжение Д.П.Святополк-Мирского к реальности было определено мировоззрением, которое формировалось абсолютно независимо. Классовый подход к литературе, марксистские принципы эмигранта сказались на критическом методе исследователя и публициста, на выборе его жизненной позиции и самое главное — на трагическом желании быть строителем новой жизни своей страны.

1. Мусатов В.В. История русской литературы первой половины XX века (советский период): учеб. пособие. М.: Высш.шк.: Academia, 2001. 309 с.
2. Смит Д. Параболы и парадоксы Д.Мирского // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5-30.
3. Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. Р.Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 882 p.
4. Мирский Д. [Рец.:] «Современные записки» (I—XXVI. Париж 1920—1925 гг.) «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I—II. Прага) // Версты. 1926. № 1. С. 206-210. Цит. по изд.: // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 141-144.
5. Мирский Д. [Рец.:] «Современные записки», книга 39-ая // Евразия. 1929. 10 августа. № 33. С. 8. Цит. по изд.: // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 214-215.
6. Мирский Д. Проза поэтов // Евразия. 1929. № 34. Цит. по изд.: // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 216-220.
7. Мирский Д. Периоды русской литературы // The Slavonic and East European Review. 1931. Vol. 9. № 27. P. 682-694. Цит. по изд.: // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 227-238.
8. Бирюков А. Князь и пролетарский писатель (Что влекло Горького к Святополк-Мирскому) // Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р.Зерновой. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во «Свинья и сыновья», 2006. С. 2-5.

References

1. Musatov V.V. Istoriya russkoy literatury pervoy poloviny XX veka (sovetskiy period): ucheb. posobie [History of Russian literature of the first half of the 20th century (Soviet period): textbook]. Moscow, 2001. 309 p.
2. Smit D. Paraboly i paradoksy D.Mirskogo [On literature and art: Articles and reviews 1922-1937]. In: Mirskiy D. O literature i iskusstve: Stat'i i retsenzii 1922—1937. Moscow, 2014, pp. 5-30.
3. Mirskiy D.P. Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god [The history of Russian literature from ancient times to 1925]. London, 1992. 882 p.
4. Mirskiy D. [Rets.:] “Sovremennye zapiski” (I—XXVI. Parizh 1920—1925 gg.) “Volya Rossii” (1922, 1925, 1926 gg. № I—II. Praga) [“Contemporary Notes” (I-XXVI. Paris 1920-1925) “The Will of Russia” (1922, 1925, 1926. No. I-II. Prague)]. In: Mirskiy D. O literature i iskusstve: Stat'i i retsenzii 1922—1937. Moscow, 2014, pp. 141-144.
5. Mirskiy D. [Rets.:] “Sovremennye zapiski”, kniga 39-aya [“Contemporary Notes”, book 39]. In: Mirskiy D. O literature i iskusstve: Stat'i i retsenzii 1922—1937. Moscow, 2014, pp. 214-215.
6. Mirskiy D. Proza poetov [Prose by poets]. In: Mirskiy D. O literature i iskusstve: Stat'i i retsenzii 1922—1937. Moscow, 2014, pp. 216-220.
7. Mirskiy D. Periody russkoy literatury [Periods of Russian literature]. In: Mirskiy D. O literature i iskusstve: Stat'i i retsenzii 1922—1937. Moscow, 2014, pp. 227-238.
8. Biryukov A. Knyaz' i proletarskiy pisatel' (Chto vleklo Gor'kogo k Svyatopolk-Mirskomu) [Prince and proletarian writer (What attracted Gorky to Svyatopolk-Mirsky)]. In: Svyatopolk-Mirskiy D. Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god / Per. s angl. R.Zernovoy. 2-e izd. Novosibirsk, 2006, pp. 2-5.

Shadursky V.V. Experience of V.V.Musatov for perception of Russian emigration literature: case of Svyatopolk-Mirsky.

The article reflects that V.V.Musatov's opinion about Russian Emigration Literature helps us to understand better some destinies of emigrants. In particular, understanding of an essence of processes taking place in Russia in the 1920—1930ies gives us the chance to explain why the USSR was attractive for D.P.Svyatopolk-Mirsky, but return of the writer home could only lead to death.

Keywords: Svyatoplk-Mirsky, Musatov, Russian Emigration Literature.

Сведения об авторе. В.В.Шадурский — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; shadvlad@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.